

НЕ ОГОВОРИЛСЯ ли профессор насчет Перми? Неужели в самом деле Пермь, насчитывавшая на рубеже девятнадцатого века всего лишь 1474 жителя, вдохновила автора преимущественно торжественных од на драматическое произведение? Надо, хотя бы спустя много лет, самому взглянуть на либретто. Но где оно? Переворачиваю издания сочинений Державина, хранящиеся в Пермской публичной библиотеке имени Горького, в Пермском университете. Никаких «Рудокопов» нет и в помине.

И вот в бесконечно длинных каталогах Государственной библиотеки СССР имени Ленина в Москве мелькнули карточки с описанием девяти томов редкого издания сочинений Державина. Санкт-Петербург, 1867 год.

О таких книгах трудно сказать обычное: отпечатаны, переплетены. Хотелось сказать: сработаны! Буквока в буквоке, строка к строке... Слово чудесный чекан прошлепал по белоснежным листам бумаги. Настоящие ясны и четки буквы, ровны поля и срезы. Золотые срезы!

Итак, передо мной «Рудокопы». Сразу же после заголовка идет перечисление действующих лиц.

Но самое главное, пожалуй, вот в этой строке: «Действие происходит частью на заводе, частью в руднике Златогором, в Перми»

ЗНАЧИТ, Державин бывал в Перми? Нет, не бывал. Во всяком случае ни один документ этого не подтверждает. Правда, известный биограф поэта академик Яков Грот в первом томе «Жизнь Державина по его сочинениям и по историческим документам описанная», сообщал: «Рано началась для маленького Гаврилы кочующая жизнь. Ему не было еще и года, когда отец его командирован был на следствие в Яранск (ныне город Вятской губернии)». В той же Яранской округе находилось и богатое поместье Державиных.

Бывал ли поэт в этих местах уже взрослым, никаких сведений нет. Равно как и о Перми. Думается, что если бы такие сведения были, то Грот непременно привел бы их в своей книге. Почему? Да хотя бы из чувства местного патриотизма. Ведь сам Яков Грот, по свидетельству пермского краеведа А. Шарда, бывал в Перми. Он приезжал сюда изучать язык коми-пермяков, не имевших тогда своей письменности.

Кто знает, возможно именно это предпологаемое нами внимание Якова Грота к Перми и спасло «Рудокопы» от забвения. Ведь при жизни поэта они так и остались неизвестными его читателям. Желание автора видеть оперу в «народном духе» на петербургской сцене не осуществилось. Не случайной кажется поэтому строка, оброненная Гротом в примечаниях: «Эта опера сохранилась

БЫВАЛ ЛИ ДЕРЖАВИН В ПЕРМИ?

В старом студенческом дневнике встретила лаконичная запись о лекции профессора Московского университета А. Западава, в которой упоминалось про последние годы жизни русского поэта Гаврилы Романовича Державина. Говоря о либретто оперы «Рудокопы», профессор подчеркнул, что в ней поэт сделал некую попытку уйти от романтизма. Недаром, дескать, местом действия своей оперы Державин выбрал ничем не прославленный в литературе той поры город — Пермь.

в одной только рукописи, писанной дурным писарским почерком, с многочисленными поправками и переделками руки Державина». Тем не менее академик решил разобраться и в «дурном» почерке, и в многочисленных переделках. И когда это сделал, включил оперу в издание сочинений поэта.

Но если Державин действительно не бывал в Перми, то откуда тогда почерпнуты им сведения о горнозаводском деле, столь заметные в основе либретто? И опять же, почему все-таки «действие происходит... в Перми»? Как ни странно, но ответ на это надо искать не в Перми, а в тысячах километров от нее — в бывшей Олонецкой губернии. Ведь одно время Державин был олонеким губернатором и, конечно, ознакомился с работой Петровских казенных заводов, с железными и медными рудниками. Мало того, поэт подружился там с талантливым русским инженером, обер-бергмейстером олонекских заводов Аникитой Сергеевичем Ярцевым.

Впоследствии Ярцев был начальником горных заводов в Перми и Екатеринбурге, пока не вышел в отставку в 1802 году. На Урале горный инженер проявил себя как умелый строитель заводов, основатель многих рудников. Как знак признания заслуг перед государством Ярцеву поручили (уже после отставки) написать историю горного дела в России. Труд исполнен в 12 рукописных томах, иллюстрирован рисунками и планами. К сожалению, записки Ярцева не были изданы. Они хранились у его дочери Надежды Аникитишны, кстати, детской писательницы. Думается, их читал Державин, часто встречающийся с Ярцевым, слушавший его рассказы «про Урал». Видямо, один из таких рассказов о Перми и натолкнул поэта на мысль написать оперу о рудокобах.

«РУДОКОПЫ» Державина интересны для нас, пермяков, хотя бы уже тем, что в этом произведении впервые в

русской литературе упомянуто слово «Пермь». И не только упомянуто, названо как место, куда перенесено действие целой оперы. Следующим упоминает Пермь в своих произведениях ученик Державина А. Пушкин. Но это будет уже спустя двадцать лет.

Интересны «Рудокопы» еще и тем, что воссоздают отдельные картины труда и быта горных рабочих. Вплоть до технологических операций, если можно так назвать существовавшую уже тогда некую специализацию горных работ: «Камни сверлить вам...»

«А вам в подставчики идти...»
«Идите вы к отливке воа...»
Приведем сокращенную часть балетного либретто:

«Театр представляет Рифейский хребет, или Уральские горы, во всем природном их ужасном великолепии. Сибирь в образе величавой древней жены в серебряной одежде, опущенной соболями, имеющая на шее из драгоценных самородных кристаллов ожерелье, на главе златый венец, в правой руке того же металла скиптр. По горам, между скал, в разнообразных пещерах видны гномы обоего пола, богатство из недр земли добывающие. Иные на оленях в нартах возят руды; другие мехами раздувают пламенеющие горны; третьи плавят и вышугают из них рудчьи металл; четвертые куют их на наковальнях и так далее».

Не правда ли, целый трактат о горном деле в поэтическом переложении? Но железный восемнадцатый век здесь удивительным образом переплелся с мифами и легендами всех народов. Как греческая богиня, величавая Сибирь. Из сказок Западной Европы пожаловали гномы.

«Шаманы просят позволить прийти к ним для отыскания их богатств россиянам, — пишет далее Державин. — Является Россиянин и играет на свирели... Гномы в берестяных кузовьях и мехах приносят кус-

ки золота и серебра и рассыпают оные перед ногами Россиянина, который раздаст их сибирским Народам...»

Конечно, трудно в этой красочной аллегории освоения русскими Урала и Сибири искать исторические концепции поэта. Да это и не нужно. Важно лишь отметить, что Державин возводит Сибирь в сан независимой царицы. Благороден и образ Россиянина, раздающего богатства уральских недр народам. Это немного не вяжется с официальным взглядом на Урал того времени, как на вотчину русских заводчиков. И поэт вносит здесь свои коррективы. Предвидя великое будущее Урала, Державин считает этот край сокровищницей всех народов огромного государства.

ЗДЕСЬ я поставил было точку, как вдруг возникла мысль: а что, если познакомиться с этим материалом работников Пермского театра оперы и балета? И вот я в кабинете главного режиссера театра, заслуженного деятеля искусства РСФСР И. И. Келлера. Он говорит:

— Конечно, опере Державина теперь вряд ли когда удастся выйти на сцену. Что же касается балета, здесь не все потеряно. Тема освоения Урала — интересная хореографическая тема.

— Значит, вы допускаете мысль, что даже через века забвения балет может ожить на сцене?

— Да, конечно! Все дело в музыке. Кто и как ее напишет?..

После этих слов режиссер рассказал об одном, казалось бы, малоприметном событии. Лет десять назад, во время капитального ремонта театра, каменщики решили укрепить фундамент здания в его закулисной части. Отдвинули старые кирпичи, и, к удивлению всех, открылась, как говорили в старину, зияющая бездна. По-видимому, это был обвал одной из старых горных выработок. Ведь в державинские времена в Перми было много медных рудников. Зданию театра обвал вреда не принес, но зато понадобилось несколько самосвалов щебня и бетона, чтобы заполнить так неожиданно обнаруженную пустоту.

— Кто знает, — закончил свой рассказ режиссер, — может, наша сцена располножена как раз на месте рудника, о котором писал поэт?

А. НИКИТИН.

В Б Е С Е Д А Х

21 APR 1972